

против доброго обычая Святой земли, по которому при взятии вражеского города король получает треть всей добычи, а две трети – остальные крестоносцы. Этот обычай исправно соблюдал король Жан, когда взял Дамиегту, а также, как рассказывают нам старые хроники, все предшествовавшие ему короли Иерусалима. Если вас устраивает передача мне двух третей пшеницы, ячменя, риса и другого продовольствия, я с радостью возьмусь делить его среди крестоносцев». Тем не менее король не решился пойти на это, и все осталось, как оно и было; многие были недовольны, что его величество решил пренебречь этим добрым старым обычаем.

Люди короля, которые должны были по-доброму договориться с купцами, предложив им великодушные условия, заставили их платить, как рассказывали, самую высокую аренду, которую только можно было выжать из них, за лавки, где они продавали свои товары. Известие это распространилось повсюду, и из-за него многие торговцы отказались доставлять продовольствие в лагерь. Графы и другие сеньоры, которым полагалось бы беречь свои средства, чтобы потом потратить их наилучшим образом, в соответствующее время и в нужном месте, взялись закатывать грандиозные пиры, на которые уходило огромное количество продуктов. Что же до основной массы войск, они предпочитали якшаться с проститутками, и король многих выгнал из армии. Когда я спросил его, почему он так поступил, он сказал, что те, кого он выгнал из армии, собирались для своих дебошей всего в броске камня от его шатра в то время, как армия испытывала большие трудности.

Теперь я вернусь к главному предмету разговора и расскажу, как вскоре после того, как мы взяли Дамиегту, вся конница султана собралась перед нашим лагерем и напала на него со стороны суши. Король и все его рыцари взялись за оружие, я же, надев доспехи, отправился поговорить с королем и нашел его в полном вооружении в окружении своих славных рыцарей, полностью готовых к бою. Я спросил, желает ли он, чтобы я со своими людьми встал перед лагерем, чтобы сарацины не могли напасть на наши шатры. Услышав мой вопрос, Жан де Бомон крикнул, что от имени короля приказывает мне не покидать места своего расположения, пока не поступит команды от короля.

Я только что говорил о достойных рыцарях, которые были при короле. Всего их было восемь человек, все прекрасные воины, отмеченные наградами за отвагу на поле боя и в своей стране и за морем. Среди них были Жоффруа де Саржине, Матьё де Марли, Филипп де Нантей и Эмберде Божо, коннетабль Франции. Сейчас последний отсутствовал. В данный момент он находился за пределами лагеря, вместе с капитаном королевских лучников и большинством оруженосцев (сержантов) короля. Он нес охрану наших шатров и палаток, чтобы сарацины не могли причинить им никакого вреда.

В это время Готье д'Отреш в своем шатре вооружился с головы до ног. Оставив полог своего шатра откинутым, он вскочил в седло и со щитом на шее, со шлемом на голове прищпорил коня и помчался на врагов. Поскольку он появился из своего шатра один, без сопровождения, все его люди подняли громкий крик «Шатильон!». Но так уж получилось, что, не успев добраться до противника, он упал; конь, под чепраком с гербами своего хозяина, перескочил через него и помчался вперед, прямо в гущу врагов. Произошло это потому, что большая часть сарацин держала под седлом кобыл, и можно понять, почему жеребец поскакал в их сторону.

Те, кто все это видел, рассказали нам, что четверо вражеских всадников стремглав кинулись к мессире Готье, лежащему на земле, и, проскакивая мимо, нанесли ему несколько тяжелых ударов булавами. Коннетабль Франции и несколько королевских оруженосцев поспешили к нему на помощь и на руках отнесли рыцаря в его шатер. Он не мог разговаривать. Несколько армейских хирургов и врачей явились осмотреть его, и, поскольку им показалось, что опасность смерти ему не угрожает, они отворили ему кровь на обеих руках.

Поздним вечером Обер де Нарси сказал мне, что необходимо зайти к мессире Готье, поскольку мы его так и не видели, а ведь он был человеком высоких достоинств и большого мужества. Когда мы вошли в шатер, нас встретил его камердинер и попросил не шуметь, чтобы не разбудить хозяина. Тот лежал под покрывалом из меха горноста; мы бесшумно подошли к нему и увидели, что он мертв. Когда мы рассказали об этом королю, он заметил, что не хотел бы иметь тысячу таких, как Готье, потому что они не подчинялись бы его приказам, как сделал этот рыцарь.

Пешие сарацины каждую ночь прокрадывались в лагерь и, заставая наших людей спящими, убивали их. Таким образом они убили охранника мессира Куртене. Отрезав ему голову и забрав ее с собой, они оставили тело лежать на столе. Они действовали так потому, что султан платил золо-